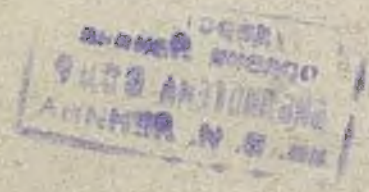
B 14/84

2007044104

В 14.
84.

О ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ЕКАТЕРИНЫ II.



КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи.
1874.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1873 г. Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА БГУ
им. В. И. Ленина

О ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЕКАТЕРИНЫ II.

Мм. Гг.!

Сегодня открывается рядъ лекцій, предназначенныхъ для просвѣщенной публики. Разнообразные и вмѣстѣ съ тѣмъ животрепещущіе вопросы науки будутъ темами этихъ чтеній; цѣль же ихъ посильнаго сбора извѣстна каждому. Такимъ образомъ Университетъ (и не въ первые) является въ лицѣ своихъ дѣятелей посредникомъ между дѣломъ народной благотворительности и обществомъ. Рядъ такихъ чтеній сверхъ того даетъ возможность установить живое общеніе съ публикою. И вотъ начало такого добраго и возвышающаго общественные интересы Кіева дѣла совпало съ днемъ знаменательнымъ.

Сегодня въ 2 часа пополудни въ сѣверной столицѣ открытъ памятникъ Екатеринѣ Великой.

Величавая, съ свѣтлымъ и спокойнымъ выраженіемъ лица матушка царица, какъ звалъ ее народъ, окружена своими сотрудниками, фигуры и имена которыхъ—живая лѣтопись ея царствованія: побѣдъ на сушѣ и морѣ, упрочившихъ положеніе Россіи,—администраціи, иногда ошибочной, но живой, просвѣтительной, стремившейся прежде всего ко благу человѣчества,—просвѣщенія, общественной благотворительности, патріотической пламенной поэзіи и поучительной образовательной литературы. Вотъ эти славныя имена: Румянцовъ, Суворовъ, Чесменскій, Чичаговъ, Потемкинъ, Безбородко, Бецкій, Державинъ, Дашкова.

Нашему времени по праву принадлежитъ оцѣнка Екатерины и ея сотрудниковъ. Насъ отдѣляетъ отъ нея эпоха милитаризма, на-

ложившаго государственную печать на источники исторіи золотаго вѣка, оковы на прессу, пускавшую въ свѣтъ обрѣзанные стихи Державина.

Правда, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ Александра I го, обѣщавшаго править по сердцу и завѣту бабки своей, Карамзинъ, представитель новой эпохи, написалъ похвальное слово Екатеринѣ Великой. Въ словѣ этомъ онъ отчетливо опредѣлилъ ея заслуги въ войнѣ и мирѣ и горячо прочувствовалъ ихъ. Чувствительный конецъ его произведенія: загробный голосъ Екатерины и всѣ патетическія, не во вкусѣ нашего времени мѣста нисколько не портятъ полновѣснаго впечатлѣнія, какое производитъ обдуманное и мѣстами художественное слово. »Сограждане! Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями: взоръ нашъ слѣдуетъ за ней на сихъ трехъ путяхъ славы«.

Раздѣливъ такимъ образомъ слово на три части, Карамзинъ центромъ ихъ дѣлаетъ вторую часть. Тема ея: слава героини затмѣвается славою образовательницы государства. На первомъ планѣ ея гуманность: она въ подданномъ уважила санъ человѣка, приступила къ искорененію лихоимства словомъ истины и правосудія. Карамзинъ упоминаетъ объ указахъ сенату, о наставленіи губернаторамъ, не хочетъ останавливаться на бесчисленныхъ распоряженіяхъ, опредѣлившихъ ясно всѣ должности въ государствѣ и осмысливщихъ ихъ духомъ чести и благородства, а подготовляетъ слушателей къ великому ея дѣлу: составленію уложенія. »Воображеніе мое не можетъ представить ничего величественнѣе сего дня, когда въ древней столицѣ явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствѣ Россіи«.

Распространившись о Наказѣ, Карамзинъ переходитъ къ заботамъ Екатерины о народномъ здоровьѣ, о торговлѣ и образованности купцовъ и наконецъ о томъ, какія доблести и какія обязанности предписывала она дворянству. Учрежденіе о губерніяхъ, среднее сословіе, городовое положеніе; сиротскій домъ, воспитательный домъ, Воскресенское училище для дѣвицъ, занимаютъ третью часть слова. Сюда же входитъ улучшеніе кадетскаго корпуса, учрежденіе другихъ заведеній, процвѣтаніе Московскаго университета, ученыя путешествія академиковъ и проч. Въ самой Екатеринѣ Карамзинъ дивится проницательности и знанію Россіи, знанію мѣры своихъ благодѣяній и намекаетъ на непрактичность нововведеній Іосифа II-го, уже отмѣненныхъ его преемникомъ; дивится твердости ея въ политическихъ дѣлахъ, когда она во

дворцѣ своемъ исчисляла выстрѣлы кораблей Шведскихъ, въ то время какъ Англія и Пруссія вооружались, а арміи наши находились за отдаленными предѣлами отечества.

Карамзинъ останавливается на непостижимой дѣятельности Императрицы, которая для всего находила время: для государственныхъ дѣлъ, для ученыхъ трудовъ, для обширнѣйшей (прибавимъ къ этому) переписки. Духъ порядка достигъ въ ней идеальнаго осуществленія. Вотъ главныя существенныя черты похвальнаго слова, законченнаго клятвою, что память Екатерины будетъ благословляться въ Россіи.

Но слово это замерло и замыслы Екатерины почили на долго. Въ началѣ XIX вѣка не до воспоминаній было людямъ горячаго прогресса, и ломки. Слишкомъ близко стоявшіе къ прошлому, они видѣли одни его недостатки. Такова судьба преемниковъ. По близорукости мы видимъ недостатки нашихъ предшественниковъ и не въ силахъ, въ пылу начинающейся собственной дѣятельности, опираться на то доброе, что досталось намъ въ наслѣдство. Сверхъ того духъ французскаго образованія внесъ въ русское общество ту односторонность, которую преслѣдовала Екатерина въ неумѣренныхъ преемникахъ Вольтера, отчасти и въ самомъ Вольтерѣ. И не мудрено, что отъ вѣка Екатерины невѣжественные Фамусовы сохранили свое своеобразное воспоминаніе и облетѣвшіе Европу, но незнавшіе отечества и его свѣтлаго прошлаго, Чацкіе поминали славную эпоху не добрымъ словомъ:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ не жалѣя

Конечно въ словахъ этихъ есть правда; особаго рода общественные недостатки развились при Екатеринѣ въ силу обстоятельствъ и она сама уступала этой стихійной силѣ, не смотря на высоту ума, подобно тому, какъ уступала и годамъ, несмотря на свѣжій и бодрый организмъ. Мы будемъ говорить о борьбѣ ея съ всегда могучею средою, стоявшею однако далеко ниже ея.

И такъ слово Карамзина замерло. Внукъ не вполнѣ царствовалъ по сердцу бабки. Между имъ и ею можно бы было провести параллель противуположностей: она была тверда, онъ всегда колебался. Она избирала по достоинству людей, терпѣла ихъ, считая полезными, и неотнимала у нихъ довѣрія своего. Онъ увлекался людьми по личному чувству,

любилъ ихъ и недовѣрялъ лучшимъ. Она вмѣняла себѣ въ славу жить для пользы русскаго народа, онъ тяготился властію. Но эта параллель отвлекла бы насъ въ сторону.

Много лѣтъ спустя, когда созрѣлъ и установился нашъ даровитый Пушкинъ—онъ какъ бы чутьемъ изъ разсказовъ стариковъ съумѣлъ разгадать тотъ великій образъ, который виднѣлся ему въ стихахъ Державина, какъ будто въ чащи Царскосельскихъ рощъ—и поэтъ создалъ въ своей »капитанской дочкѣ« какъ нельзя болѣе вѣрный дѣйствительности, привлекательный образъ, гуманный и величавый, пылкій и безпристрастный, исполненный достоинства и простоты; смягченный очаровательной женственностью при сильномъ характерѣ.

Въ сороковыхъ годахъ горячо забилось сердце Бѣлинскаго, когда онъ, обозрѣвая литературу русскую, коснулся Державина и вѣка Екатерины. Его воспріимчивая природа откликнулась на ту живую патріотическую поэзію, которою прославился пѣвецъ Фелицы и оды на взятіе Измаила. Но и Бѣлинскаго скоро перестали читать и никто немогъ и думать о напечатаніи его сочиненій, затерявшихся въ грудѣ томовъ ежемѣсячнаго изданія.

И только нашему времени, преимущественно послѣднему, десятилѣтію, довелось разбудить славное прошедшее. Матеріалы Екатерининскаго времени стали то и дѣло появляться на свѣтъ Божій и съ ними появилась ученая оцѣнка, провѣрка, поясненіе. Передъ нами теперь массы записокъ, мемуаровъ, переводы иностранныхъ современниковъ Екатерины; біографіи, автобіографіи; дѣла судебныя, административная переписка; проэкты, письма разнаго рода, дающія фотографію времени; Ея собственноручные указы, наказы, инструкціи, замѣтки, наброски мыслей, сочиненій. И изо всего этаго выдѣляется личность царицы въ блескѣ ума и мягкости души—увлекательный образъ человѣка на тронѣ, какого другаго не знаетъ исторія.

Изъ всѣхъ изданій, обогатившихъ русскую историческую науку, назову самыя замѣчательныя. Академія наукъ издала сочиненія Державина въ 7 большихъ, in-4° томахъ—трудъ академика Грота. Это изящное изданіе съ портретами, рисованными съ Лампи, Тончи, Левицкаго, Боровиковскаго, съ виньетками, рисованными другомъ и своякомъ Державина Львовымъ—съ подробными поясненіями академика Грота—есть какъ бы живая, образная хроника эпохи.

Второе Отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи обратило вниманіе на хранившіяся какъ государственная тайна, дѣла Коммисіи депутатовъ, созванныхъ Екатериною въ 1767 г. совсѣхъ концевъ Россіи. Два объемистыхъ тома передъ нами и два новыхъ уже готовы къ изданію. Изъ предисловія ученаго издателя мы узнали, что депутаты безъ различія сословій сидѣли всѣ рядомъ по старшинству лѣтъ: сановники между купцами и хлѣбопашцами, что никто не падѣвалъ знаковъ отличія, а всѣ безъ различія и исключенія украшены были особо установленною медалью. Мы узнаемъ, что имъ была дана такая твердая охрана правъ ихъ, что они безъ всякой опасности для себя могли говорить свободно. Мнѣнія ихъ составляютъ пока неистощимый атеріалъ для нашихъ ученыхъ юристовъ. Самое изданіе этого труда принадлежитъ открывшемуся въ С.-Петербургѣ въ 1867 году Историческому Обществу, сборники котораго сверхъ того богаты матеріалами о Екатеринѣ.

Знаменательно, мм. гг. и то, что инпціатива этаго Общества равно какъ и предсѣдательство въ немъ принадлежитъ Государю Наслѣднику. Съ горячностью молодаго человѣка вникаетъ онъ въ труды Общества, которое собирается въ Аничковскомъ дворцѣ и симпатія Цесаревича къ Екатеринѣ сказывается въ отысканіи и обнародованіи многихъ интересныхъ документовъ. По предначертанію Цесаревича академикъ Пекарскій издалъ первый томъ собственныхъ бумагъ Екатерины, хранившихся въ государственномъ архивѣ подъ печатью.

Записки Храповицкаго, секретаря Императрицы, были также изданы въ Москвѣ въ недавнее время, но съ большими неточностями. Но теперь найденъ ихъ подлинникъ и онѣ издаются знатоками дѣла. Эти драгоцѣнныя записки, веденныя изо дня въ день, рисуютъ Императрицу въ ея домашней жизни. Мы слышимъ ея самыя искреннія слова, сказанныя невзначай и тѣмъ болѣе очаровываетъ она насъ.

Переводы замѣтокъ Сегюра, принца de Ligne, записки Энгельгардта; книга объ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ и многое другое появилось въ послѣднее десятилѣтіе.

Едва-ли не одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ принадлежитъ Русскому Архиву, обогатившему насъ массой драгоцѣнныхъ данныхъ, которыя вызваны теперь изъ частныхъ рукъ, изъ семейныхъ архивовъ, и по большей части провѣрены и пояснены ученымъ редакторомъ. По тому же пути идетъ и Русская Старина.

При такомъ обиліи матеріаловъ возможно появленіе капитальныхъ сочиненій и мы въ правѣ многаго ждать отъ XXV и слѣдующихъ томовъ исторіи Россіи Соловьева.

Какого бы вопроса изъ наиболѣе крупныхъ, прославившихъ нашу эпоху, мы не коснулись: будетъ-ли то освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, отмѣна монополіи откупа или даже преобразованіе тюремъ—начало его найдемъ въ замыслахъ Екатерины, ея проэктахъ, соображеніяхъ и найдемъ во всей чистотѣ и такъ сказать радикальности принципа. Рядомъ съ правительственными реформами, которымъ мы сочувствуемъ, у насъ возникаютъ общественныя потребности и желанія: онѣ касаются народнаго здоровья, сбереженія лѣсовъ, уничтоженіе которыхъ грозитъ бѣдствіями, устройства народнаго хозяйства, наконецъ путей сообщенія, правильнаго женскаго образованія, устройства народныхъ театровъ. И всѣ эти вопросы были не только затронуты Екатериною, но часто были осуществляемы ея распоряженіями и по меньшей мѣрѣ озабочивали ее.

Наше ограниченное временемъ чтеніе не даетъ возможности подтвердить все это доказательствами, но Вы дозволите мнѣ ради знаменательнаго дня поговорить съ Вами о самой Екатеринѣ и ея просвѣтительной дѣятельности на сколько это возможно.

Преимущественно обратимъ вниманіе на нѣкоторые новые факты ея самовоспитанія, объясняющаго ея просвѣтительную дѣятельность.

Она училась съ самаго ранняго возраста, и дома въ Германіи, и еще болѣе въ Россіи, когда была Великой Княгиней и продолжала учиться до старости.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Россію сюда пріѣхалъ нѣкто графъ Гилленбургъ, шведъ, съ которымъ родители Екатерины были еще знакомы въ Германіи. »Это былъ очень умный человѣкъ, уже не молодой, пишетъ Екатерина въ своихъ мемуарахъ—мнѣ онъ оставилъ признательное воспоминаніе, потому что въ Гамбургѣ, видя что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, онъ упрекалъ ее въ этомъ, находя, что я дитя выше своихъ лѣтъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ посѣтилъ насъ и такъ какъ въ Гамбургѣ онъ говорилъ, что у меня философское расположеніе ума, то спрашивалъ, что сталось съ моей философіей въ суетѣ придворной жизни.

Онъ мнѣ совѣтывалъ читать жизнеописаніе знаменитыхъ мужей

Плутарха, а также жизнеописаніе Цицерона и сочиненіе Монтескье о причинахъ величія и паденія Римской республики«.

Плутархъ, Монтескье, которыми она зачитывалась, перенесли ее изъ міра пустоты, волненій, интригъ, семейныхъ непріятностей, въ міръ гражданской доблести и чистыхъ, возвышенныхъ идей. Ея часто страдальческая жизнь, которую она живо изобразила въ своихъ мемуарахъ, выработала въ ней чуткость, наблюдательность и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучила ее находить счастіе въ умственномъ трудѣ. Плутархъ имѣлъ на нее сильное вліяніе.

Вспомнимъ, что этотъ же писатель далъ возможность Шекспиру воскресить въ живыхъ образахъ древній міръ и его Юлій Цезарь былъ лучшимъ выраженіемъ тѣхъ республиканскихъ принциповъ, которые подъ скипетромъ Елисаветы Англійской готовили будущіе гражданскіе перевороты. »У меня сердце республиканское« писала, позднѣе Екатерина въ своихъ замѣткахъ. Плутархъ оставался ея любимою книгою. Въ тяжелые дни царствованія, какъ напримѣръ во время шведской войны и разлада съ Англіей, когда записываетъ Храповицкій: »Ночь не спали, великое безпокойство«—она читала Плутарха и, передавая книгу секретарю своему, сказала: »Это одно утѣшеніе. Cela me fortifie l'âme.«

Мы не знаемъ еще другихъ подробностей о чтеніи Екатерины кромѣ того, что она читала романы и перестала ихъ читать, послѣ перваго знакомства съ сочиненіями Вольтера. Мысли о человѣкѣ, его достоинствѣ, правѣ и угнетеніи этихъ правъ, этихъ достоинствъ, идеи религіозной терпимости и ѣдкіе нападки на лицемѣріе и суровость догматиковъ, на омертвѣлыя формы средне-вѣковыхъ, когда-то живыхъ вѣрованій, мысли о государствѣ, какъ объ обществѣ гражданъ и сатира на чиновничій складъ государственнаго устройства, на итогъ установившихся въ обществѣ узкихъ понятій вмѣстѣ съ новымъ ученіемъ о Богѣ, ученіемъ умозрительнымъ, съ высокими моральными требованіями и съ насмѣшками надъ религіозною практикою—все это предстало предъ Екатериною въ театральныхъ пьесахъ, повѣстяхъ, анекдотахъ, сказкахъ и мелкихъ разсужденіяхъ Вольтера.

Потомъ она стала изучать »Духъ законовъ« Монтескье. Указанія французскихъ писателей заставили ее обратить вниманіе на страну, опередившую всѣ другія страны въ развитіи; Екатерина любила Англію и многому отъ нея поучалась. »Въ продолженіе всей моей жизни я дорожила уваженіемъ англійской націи« писала она Швейцарцу Циммер-

манну, во время разрыва съ этимъ государствомъ и послѣ, когда партія мира восторжествовала въ парламентѣ и она приказала поставить бюстъ Фокса рядомъ съ бюстомъ Демосѳена—она писала тому-же Циммерману: »уваженіе англійской націи всегда мнѣ было дорого и пристрастіе мое къ ней оказалось не напраснымъ«.—Она стала читать Локка о воспитаніи и Байля. Чтеніе послѣдняго имѣло благотворное вліяніе на Великую Княгиню »Вольтеръ только отнималъ возможность безсознательно слѣдовать усвоеннымъ большинствомъ воззрѣніямъ; Байль же могъ дать человѣку, предрасположенному къ принятію современныхъ идей, возможность полнаго міросозерцанія *)«.

Немудрено то, что, богато одаренная отъ природы, Екатерина читала и работала надъ книгою въ лихорадочную литературную пору, когда всѣ философствовали, но изумительна ея способность усвоивать добрыя начала Теорія о благѣ не сдѣлала ее мечтательницею подобно Іосифу II, не знавшему своей страны и не съумѣвшему познать ее. У Екатерины рано появилось стремленіе узнать и полюбить свое новое отечество. Вольтеръ и другіе писатели расширили кругъ человѣческой семьи: они въ примѣръ и назиданіе старой Европѣ указывали на Азію и Америку. Екатерина внесла Россію въ семью народовъ, предназначенныхъ къ великой исторической роли. Что же изъ русской жизни особенно благотворно повліяло на нее? Прежде всего идеалъ Петра геніально изображенный Ломоносовымъ въ стихахъ и прозѣ.

Еще до восшествія на престолъ она могла бы доставить Вольтеру матеріалы для предпринятой имъ исторіи Петра, еслибы ей это было возможно—говоритъ она сама позднѣе. Нѣтъ прямыхъ указаній на вліяніе Ломоносова на Екатерину, но за умственную и нравственную связь между ними говорятъ, во-первыхъ, очаровательно пересказанный свидѣтелемъ визитъ къ больному Ломоносову, когда она звала его откушать своихъ щей и во-вторыхъ самые его привѣтственные стихи къ ней, какъ къ представительницѣ новыхъ, свѣтлыхъ умственныхъ началъ и вмѣстѣ какъ представительницѣ всего русскаго, прямой преемницѣ Петра, спасшей Россію отъ грозившаго новаго ига иноземцевъ, грозившаго въ ту пору, когда Петръ III въ присутствіи всѣхъ палъ на колѣна передъ портретомъ Прусскаго короля и заключалъ съ нимъ по-

*) См. Щебальскаго: Екатерина II-я какъ писательница. Заря 1870 и 1871 г.

стыдный и унизительный для Россіи миръ. Заключеніе этого мира и рѣшило судьбу ея, она стала не во главѣ заговора, а во главѣ русской партіи, какъ это теперь доказано между прочимъ и тѣмъ, что Румянцовъ, стоявшій во главѣ войскъ и ненаходившійся въ Петербургѣ по собственному почину присягнулъ ей. И дѣйствительно она издавна уже понимала русскіе интересы и сочувствовала ненависти къ тѣмъ иностранцамъ, которымъ оказывалось тупое предпочтеніе.

Въ 1755 году отрядъ Гольштинцевъ прибылъ въ Ораніенбаумъ. Петръ Ѳедоровичь не зналъ какъ чествовать ихъ; придворные русскіе негодовали, солдаты не скрывали досады и называя ихъ измѣнниками изъ послушанія прислуживали имъ. Узнавши объ этомъ я твердо рѣшилась—говоритъ она въ мемуарахъ—держать себя дальше отъ нихъ и прибавляетъ, что во время прогулокъ избѣгала приближаться къ этому непопулярному лагерю.

Въ собственноручныхъ бумагахъ Екатерины сохранились драгоцѣнныя записки указывающія на то, что занимало ея философскій умъ въ концѣ царствованія Елисаветы. Мы видимъ, что благое французское просвѣщеніе приноситъ практическую пользу: всѣ думы ея о Россіи и ея интересахъ. Тутъ мы видимъ осужденіе порядковъ русскихъ: »ничто такъ не ненавистно мнѣ какъ конфискація имѣній виновнаго, потому что кто можетъ у дѣтей отнимать наслѣдство? Не знаю, но мнѣ кажется, что у меня всю жизнь будетъ отвращеніе къ назначенію чрезвычайной коммиссіи особенно, когда коммиссія должна оставаться не гласною«. Тутъ мы видимъ живые при насъ осуществляющіеся и осуществившіеся принципы правосудія: преступленіе и производство дѣла должны быть оглашены для того, чтобы общество могло распознать правоту.

»Виданъ ли болѣе варварскій обычай и достойный турокъ способъ дѣйствовать какъ тотъ, который, заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія«. Этотъ многосторонній умъ вглядывается въ бытъ народный: »ступайте въ деревню, спросите у крестьянина сколько было у него дѣтей и онъ вамъ скажетъ десять, двѣнадцать, иногда двадцать; сколько изъ нихъ живыхъ? онъ отвѣтитъ: одинъ, два, три. Слѣдуетъ искать средствъ противъ такой смертности, совѣтываться съ врачами болѣе философами, чѣмъ обыкновенные и постановить нѣсколько общихъ правилъ, которые мало-по-малу введутъ владѣльцы имѣній, потому что я увѣрена, что недостатокъ ухода за очень

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина

за каждый шагъ. Неудивительно, что въ борьбѣ этой Она иногда должна была уступать тѣмъ, для блага которыхъ царствовала. Одинъ Наказъ чего стоилъ ей. Вотъ что пишетъ она въ одной отрывочной запискѣ *):

»Я начала читать, потомъ писать Наказъ коммиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы и счастія имперіи и чтобъ довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго въ особенности. Потомъ я начала казать по частямъ статьи мною заготовленныя людямъ разнымъ, всякому по его способности и между прочими князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ ce sont des axiomes à renverser les murailles. Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ. Наконецъ заготовила манифестъ о созывѣ депутатовъ со всей имперіи, дабы лучше спознать каждой округи состояніе. Съѣхались они и назначила разныхъ персонъ вельми разномыслящихъ дабы выслушать Наказъ... Тутъ при каждой статьи явились пренія..... Я дала имъ волю чернить и вымарать всё что хотѣли«. Въ первоначальной редакціи Наказа Екатерина дѣлала выписки изъ Бекаріи о несообразности суда господина надъ рабомъ. Но выписки эти не прошли сквозь цензуру судій. Къ мысли объ освобожденіи крестьянъ всѣ отнеслись совершенно враждебно. Мы знаемъ только четыре имени заявившихъ свое сочувственное отношеніе къ этому вопросу: князь Орловъ, предложившій премію за трудъ объ улучшеніи экономическаго быта, А. И. Бибиковъ, предлагавшій ввести въ Костромской губерніи вольное хлѣбопашество, графъ Шереметьевъ, готовый освободить своихъ крестьянъ и наконецъ воспитанный за границей первый по времени нашъ законовѣдъ Полѣновъ, написавшій сочиненіе объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи.

Но за то Болтинъ, Панинъ, Дашкова и литераторъ Сумароковъ не скрывали своего негодованія на имѣнательство верховной власти въ отношенія между помѣщиками и крестьянами **).

Хотя мнѣнія депутатовъ исполнили свои задачи, помогли спознать (по выраженію Екатерины) каждой округи состояніе, но всё таки они

---

*) Рус. Арх. 1865 г.

**) Екатерина какъ писательница Щебальскаго.

маленькими дѣтьми тутъ главная причина зла: они бѣгаютъ нагіе въ рубашкахъ по снѣгу и по льду».

Тутъ же высказана программа отношеній государя къ народу, которая и легла въ послѣдствіи въ основу Наказа. Среди набросанныхъ мыслей о причинахъ дурнаго состоянія фабрикъ въ Москвѣ и разныхъ финансовыхъ соображеній читаемъ: «Желаю и хочу блага странѣ, въ которую меня привелъ Господь. Слава ея сдѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило и я буду счастлива если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать». Тутъ мы находимъ первый проэктъ училища для воспитанія женщинъ. Но самыми крупными выдающимися строками намъ кажутся слѣдующія:

«Противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными. Одинъ соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ въ Германіи, Франціи и при осуществленіи такой рѣшительной мѣры, конечно нельзя будетъ заслужить любви землевладѣльцевъ, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ». и въ слѣдъ за тѣмъ предлагается способъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ.

Таковы были плоды умственнаго образованія Екатерины. По восшествіи на престолъ она стремится осуществить всѣ эти свѣтлыя начала, но многаго не принимаетъ неподготовленная русская почва.

Дѣйствительность остановила ея увлеченія. Ей предстояла борьба со средою, съ первыми своими помощниками. Предоставивъ права и вольности дворянству, Екатерина сдѣлала шагъ отъ азіатскаго раболѣпнаго порядка вещей къ европейскому болѣе человѣческому, и этотъ классъ помощниковъ и защитниковъ отечества она задумала нравственно и умственно преобразовать, смягчить, направить. Всю жизнь она воспитывала его, а съ нимъ и всё русское общество духомъ своихъ распоряженій, прямыми наставленіями, указами, рѣшеніями дѣлъ, доходившихъ до трона. и наконецъ литературою, которую всецѣло направила къ поучительной и философской цѣли.

Но пока еще не прошли долгіе годы, еще не скоро образовались въ глуши какой-нибудь Симбирской губерніи кружки братства между дворянами, клявшимися быть защитниками слабыхъ и непреклонными передъ сильными, какъ напримѣръ, кружокъ отца Карамзина, въ которомъ духъ Екатерины благотворно дѣйствовалъ на ребенка, въ послѣдствіи знаменитаго исторіографа и литературнаго реформатора. Общество враждебно принимало нововведенія и борьба съ обществомъ была

въ массѣ поражаютъ узкостью, грубостью требованій, за весьма рѣдкими, но правда свѣтлыми исключеніями. Депутатъ Баскаковъ требовалъ возстановить пытку.

Мнѣ кажется, что на этомъ сеймѣ, гдѣ выработалось много и добраго—выразилась весьма отчетливо идея равенства всѣхъ русскихъ подданныхъ передъ закономъ. Подобно Эстляндцамъ и Лифляндцамъ, депутатъ г. Кіева Іосифъ Гудимъ стоитъ за удержаніе въ Кіевѣ Магдебурскаго права, дарованнаго еще польскими королями. На это ему возражаютъ, о необходимости равныхъ для всѣхъ русскихъ узаконеній, потребныхъ для благополучія.—

Нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Екатерины обрисовываютъ лучше всего ея правительственную дѣятельность по отношенію къ государственнымъ учрежденіямъ. Вотъ что пишетъ она митрополиту Димитрію Сѣченову изъ Нижняго Новгорода: »Здѣшній преосвященный кажется человѣкъ слабый—онъ выбираетъ также людей слабыхъ и такихъ, кои мало его слушаютъ и по большей части всѣ простаки. При томъ въ здѣшнемъ духовенствѣ примѣчается духъ гоненія. Здѣсь же (по причинѣ большаго числа раскольниковъ) нужнѣе всего имѣть священство просвѣщенное ученіемъ право-кроткаго и добраго житія, кои бы тихостью, проповѣдью и безпорочностью добронравнаго ученія подкрѣпляли Евангельское слово«. Къ князю Вяземскому, генералъ-прокурору Сената,—въ сенатѣ рѣшалось дѣло о колдунахъ—»Куда какъ бы я любопытна была видѣть вашихъ колдуновъ Ну какъ статься, чтобы пуская по вѣтру червей за человѣкомъ онъ бы оттого умеръ? И подобнымъ баснямъ въ Сенатѣ вѣрятъ и потому осуждаютъ! Виноваты они въ томъ, что отъ Бога отреклись, а что черта видѣли, то всклепали на себя. Мое мнѣніе есть, чтобъ сихъ людей привести сюда, чтобы съ ними толковѣе поговорить«. (Р. Арх. 1866 г. стр. 69).

»По восшествіи моемъ на престолъ—пишетъ сама она, Сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходамъ имперіи—оныхъ считали 16 милліоновъ.

»Я посадила князя Вяземскаго и Мельгунова и они сочли 28 мил. 12 мил. больше нежели Сенатъ видѣлъ«—»Всуе будетъ всякое доброе учрежденіе, ежели не падетъ жребій исполненія онаго на людей совершенно способныхъ. На семъ основаніи возвращаю я докладъ Сената о чинахъ, помѣщаемыхъ въ палаты судныя Тверскаго и Смоленскаго намѣстничествъ. Я не могла оный утвердить, потому что невижу тутъ людей, искусившихся въ дѣлахъ сихъ родовъ«. Но какъ противорѣчатъ

подобному взгляду письма многихъ знатныхъ людей ея времени: они другъ у друга выпрашиваютъ мѣстъ для родственниковъ и сердоболей своихъ! Изданныя въ послѣднія время ея указы, письма, проэкты представляютъ слишкомъ обильный матеріалъ для того, чтобы его обозрѣть хотя и бѣгло, а между тѣмъ я не могу не привести одного письма къ князю Вяземскому, которымъ обрисовывается ея безпристрастіе къ родственникамъ въ укоръ нашимъ сердобольнымъ предкамъ (р. Арх. 1866 г. стр. 63):

»Писала ко мнѣ моя невѣстка родная, княгиня Ангальтъ Цербская прося, чтобы помогла Цербскимъ подданнымъ, кои голодъ терпятъ. Ея коммиссіонеръ прибавилъ, что тысячъ до тридцати великая имъ помочь будетъ. Но я не дамъ ибо если дамъ, то братецъ мой оныя себѣ возметъ въ Швейцарію, гдѣ живетъ, а обыватели его земли останутся въ нуждѣ чему, чаю, не мало опъ и самъ причиною. Но мое мнѣніе есть: приказать отселѣ, а еще лучше изъ остзейскихъ городовъ купить хлѣба на двадцать или тридцать тысячъ и оной черезъ кушца Фридрахса, мимо коммиссіонера, послать въ Гамбургъ, гдѣ по Ельбѣ дойдетъ до цербскихъ областей, адресовавъ оный къ цербскому правительству: an der fürstlichen Anhalt Zerbstischen Regierung«.

Ставя высоко дворянское сословіе, дорожа имъ и опираясь на него въ дѣлѣ правленія и просвѣщенія, Екатерина умѣла быть неподкупнымъ судьею въ дѣлахъ тяжбъ, если эти дѣла доходили до нея. Одинъ изъ вельможъ женился на своей крѣпостной, родные просили Императрицу разрушить бракъ и увѣряли, что жена незаконная. Гордость ихъ заставляетъ спорить, что холопка имъ не родня—пишетъ Екатерина къ духовнику своему.

Таже справедливость видна въ другомъ, весьма характерно переданнымъ Державинымъ случаѣ, въ то время когда онъ состоялъ при Государынѣ секретаремъ. Генералъ губернаторъ московскій князь Прозоровскій отказалъ въ пособіи и въ содѣйствіи въ дѣлахъ бѣднымъ благороднымъ дѣвицамъ—онѣ написали по почтѣ Императрицѣ. Дѣвицъ стали притѣснять чины полиціи. Державина требуютъ къ Государынѣ. Пылая гнѣвомъ она подаетъ ему письмо: »возьми, я вижу этихъ сиротъ угнетаютъ за то что онѣ пожаловались генералъ-губернатору«—и велитъ ихъ перевести въ Петербургъ.

Нельзя не остановиться на ея знаніи Россіи. Она входитъ въ подробности водянаго сообщенія и устройства канала между рѣчками

Кельтмами для сообщенія Сибири съ Устюжскою провинціею. Тоже видно и въ разсужденіяхъ о монополіяхъ, мѣрахъ противъ голода, который она всегда старалась предупредить, не щадя казенныхъ интересовъ. Такъ напримѣръ она пишетъ графу Брюсу: »изъ письма вашего усматриваю, что въ Петербургѣ паки поднимаются цѣны на хлѣбъ—и что вы причины приписываете худымъ всходамъ хлѣба. Божиться можно, что вездѣ, гдѣ мы проѣзжали хлѣбы хороши, какъ только желать можно; а въ Петербургѣ хлѣбомъ торгуютъ лишь пять или шесть купцовъ, кои суть изъ плутовъ не послѣдніе, а стараться надлежитъ вводить въ хлѣбный торгъ болѣе купцовъ, чтобы вывести сей торгъ изъ рукъ перекупщиковъ«.

Ставъ на твердую почву знанія, Екатерина грудью отстаивала Россію отъ предубѣжденныхъ иностранцевъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ, швейцарцомъ Цимерманомъ, съ которымъ сошлась по несочувствію къ нѣмецкому мистицизму и германскому идеализму, грозившему въ ея глазахъ испортить все дѣло умѣренныхъ философовъ и энциклопедистовъ. Требовала она знанія Россіи отъ тѣхъ, кто хотѣлъ писать о ней и вступила въ бой съ Abbé Chappe d'Auterooche, написавъ опроверженіе его глупой книгѣ. Въ дали прошедшаго она видѣла Русь древнюю до-Петровскую и въ ней искала идеала.

Академикъ Пекарскій открылъ 6 фолiантовъ ея работъ по русской исторіи Вотъ нѣкоторые образчики: выпись о преп. Сергіи—съ замѣтнымъ желаніемъ удержать обороты древняго языка. Обширное собраніе актовъ, объясняющихъ отношеніе Новгорода къ Москвѣ до Іоанна III. Пекарскій указываетъ на выписку о великомъ князѣ Дмитріи Донскомъ, изъ которой видно, что Екатерина не чужда была ученыхъ увлеченій. Храповицкій пишетъ: »показывалъ я Сить въ Ярославской губерніи, она впадаетъ въ Мологу, а Молога въ Волгу. На Сити убитъ князь Владиміръ Юрьевичъ Рязанскій отъ татаръ. Думали, что онъ перешелъ Волгу гораздо ниже, чтобъ атаковать татаръ, но рѣка Сить показываетъ, что Владиміръ бѣжалъ къ Твери. Симъ открытіемъ не очень довольны для сочиняемой исторіи«. Съ просвѣтительною цѣлью она брала сюжеты для своихъ драмъ и оперъ. Образы во всѣхъ этихъ драмахъ были туманны—это были просто идеи, высказанныя дѣйствующими лицами. Древняя Русь одѣлась въ одежду французскихъ классиковъ и творческаго идеала русскаго пошиба тамъ нечего было ждать. Хотя у нея Рюрикъ и Олегъ были проповѣдниками мыслей

Локка и Монтескье, подобно Велизарію у Мармонтеля и всѣмъ лицамъ Вольтеровыхъ пьесъ, но и живая народная струя вторгалась въ ея пьесы въ безъискуственныхъ народныхъ пѣсняхъ, помимо господства ложно-классическихъ правилъ. Припомнимъ, что Фридрихъ Великій, хотя народный человѣкъ въ политическомъ смыслѣ, не писалъ иначе, какъ по французски и съ презрѣніемъ назвалъ *сором*ъ поднесенный ему первый періодъ народныхъ пѣсенъ о Нибелунгахъ. Учрежденіе департамента для переводовъ и собственные переводы Екатерины и ея приближенныхъ можетъ быть болѣе всего содѣйствовали просвѣщенію и обогащали читателей разнообразными свѣдѣніями.—На дорогѣ въ Казань Екатерина спѣшитъ перевесть Мармонтелева Велизарія, чтобы скорѣе подѣлиться возвышенной моралью съ обществомъ. Она съ удовольствіемъ сближаетъ проповѣдь Тверскаго архіерея съ этой пьесой и посвящаетъ пьесу преосвященному. Латинскіе писатели, прозаики и поэты, англійскіе романисты и французскіе классики отъ Corneille до Bernardin de Saint Pierre, и философы французскіе, и перваго значенія, и второстепенные, теперь забытые, всѣ были переведены для русскихъ читателей.

Литературное значеніе Екатерины какъ писателя собственно говоря очень не большое. Ея комедіи не пережили своего времени. Въ нихъ интересна возня съ недостатками своей петербургской и дворянской сферы, съ модничествомъ, ханжествомъ, фанфаронствомъ—и съ непониманьемъ нововведеній Осмѣянныя личности въ комедіяхъ были иногда нѣсколько вѣрны дѣйствительности, но за то добродѣтельныя были безжизненны и представляли собою безцвѣтныхъ оракуловъ Мущины добродѣтельные были всегда чиновники средней руки, какихъ желала образовать Екатерина, или доблестные офицеры; женщины, добродѣтельныя или по крайней мѣрѣ оцѣнивающія безобразіе поступковъ дурныхъ, были преимущественно горничныя, видѣвшія изнанку всего того что дѣлается у господъ. Горничныя эти находятъ понятія о добрѣ въ нравоучительныхъ романахъ. Это конечно говоритъ за вліяніе демократическихъ комедій на наши и за отсутствіе мѣстнаго колорита и правды. Таковы статьи Екатерины какъ автора Былей и Небылицъ, имѣвшія образовательное, но очень кратковременное значеніе. Своими сатирическими сочиненіями она исправляла тѣхъ, кого знала. Но лучше выдержекъ изъ комедій—ея слова и поступки, составляющіе неистощимую тему правдивыхъ анекдотовъ—цѣлую эпопею, записанную въ свое

время и позднѣе по преданію ея современниковъ. Въ той запискѣ, которой я коснулся, гдѣ изложена какъ бы программа ея позднѣйшей дѣятельности, сильно и желчно Екатерина говоритъ къ лести, которой въ особенности поддаются государи. Посмотримъ, какъ относилась она къ лести. Разъ (мы беремъ это изъ Храповицкаго) ей говоритъ кто-то о любви къ ней народа и указываетъ на толпы передъ окнами дворца (это было во время ея путешествія) «сказали: да и медвѣдя сходятся смотрѣть».

Въ комедіяхъ Екатерины виднѣется то общество, съ которымъ столкнулось ея просвѣтительная дѣятельность: невѣжество, худое воспитаніе, худое обращеніе съ людьми крѣпостными—вотъ его черты. Общество это воспитано было на иныхъ преданіяхъ и обычаяхъ. Такъ говоритъ о недалекомъ прошломъ этого общества Державинъ, противуполагая его настоящему:

Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

При Императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою пошепчутся, то они подозрѣвались въ зломъ умыслѣ и по чьему либо доносу попадали въ тайную канцелярію. Тоже бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пиршествахъ не выпивали большаго бокала вина, подносимаго за здравіе государыни.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.

Тогда же считалось за великое преступленіе, если въ Императорскомъ титулѣ было что-нибудь подскоблено или поправлено. Только современъ Екатерины II стали позволять себѣ переносить этотъ титулъ изъ одной строки въ другую; а дотѣхъ поръ писцы, замѣченные въ этомъ, наказывались плетьми.

Тамъ свадебъ шутовскихъ не правятъ
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы, въявь имъ не хохочутъ
И сажей не марающъ рожъ.

Велико было дѣло общественнаго перевоспитанія, совершеннаго Екатериной и дѣлу воспитанія въ собственномъ смыслѣ Она послужила прежде всего перомъ своимъ. Припомнимъ параграфъ Наказа, въ которомъ она указываетъ на воспитаніе, какъ на единственное средство для приготовленія полезныхъ гражданъ. Этотъ параграфъ и Инструкція, данная воспитателю великихъ князей—внуковъ, Салтыкову, а равно и сказки ея о царевичѣ Хлорѣ, о Февеѣ—красномъ солнушкѣ, переработывали идеи Локка о воспитаніи. »Знаніе пригодно ребенку; надо чтобы ребенокъ полюбилъ учиться тогда же, когда полюбитъ и добродѣтель. Надо возбудить въ ребенкѣ чувства стыда и благородное побужденіе быть честнымъ«. Развитіе нравственнаго чувства и укрѣпленіе тѣла здоровьемъ—вотъ два начала, которыя поставлены выше знанія. Воспитатель только помощникъ, другъ юношей, а не строгій начальникъ. Свобода, терпимость и кроткое обхожденіе вмѣстѣ съ твердостью воли—вотъ что требуется отъ воспитателя. Въ инструкціи Императрица указываетъ на трудолюбіе, какъ на качество, при которомъ человѣкъ не погибнетъ въ жизни. Надо чтобы дѣти и юноши не боялись затрудненія въ книгѣ, старались одолѣть препятствія и никогда не бросали бы начатаго. Екатерина хотѣла въ мальчикахъ развить смѣлость, приличную мущинѣ. Если дѣти чего бояться, то поваживать ихъ исподоволь къ зрѣлищу тому. Кто неслушается тотъ боленъ, слѣдовательно его надо лишить выгодъ здороваго. Такимъ образомъ по мнѣнію ея развивается самостоятельность и устраняется самодурство. »Душевная крѣпость сказывается въ преодолѣніи собственныхъ хотѣній«.

Изъ писемъ Екатерины, во время путешествія, къ Салтыкову и къ Великой Княгинѣ, матери ея внуковъ, видно, какъ Государыня на практикѣ понимала воспитаніе. Она входитъ въ воспитаніе съ такимъ практическимъ вниманіемъ къ каждой болѣзни дѣтей; въ одномъ мѣстѣ спрашиваетъ не болятъ ли у Константина глаза послѣ кори; слѣдитъ своими вопросами за здоровьемъ и за гигіеной всей маленькой семьи. Повсему видно, что ничто ей небыло такъ противно, какъ изнѣженность и баловство русскихъ дѣтей, и за то съ какимъ восхищеніемъ она относится къ выдержанности. Въ Кіевѣ ей полюбился маленькій Браницкій. »Я здѣсь забавляюсь съ маленькимъ Браницкимъ. Мать, насмотрясь, какъ содержали великихъ князей, точно соблюдаетъ съ сыномъ мои правила и то столь удачно, что сей мальчикъ таковъ, какъ только по его лѣтамъ желать можно: здоровъ, проворенъ, не упрямъ

и такого свободнаго обращенія, какъ будто съ нами вѣкъ жилъ, отнюдь не дикъ, не боязливъ, но уменъ и веселъ«.

»Вѣкъ не отгадать кто съ нами поѣдетъ на галерѣ! маленькой Браницкой, которому по моему совѣту правили осну. По выздоровленіи сталъ еще веселѣе—всякой вечеръ въ моей комнатѣ рѣзвится со мною... Надобно смотрѣть какъ онъ дерется съ prince de Ligne и тотъ съ превеликою шпагою, а маленькой Браницкой съ палкою парируетъ и съ такой замашкой, что удивительно«.

Жизнь кадетъ и воспитанницъ Смольнаго совершенно соотвѣтствовала идеямъ Государыни Сохранились воспоминанія, стараго кадета. (Р. Арх. 1869).

»Бывало если случится какая нибудь шалость графъ Аигальтъ (избранный Екатериною начальникъ) не разъискивалъ преступника; онъ созывалъ кадетъ, говорилъ имъ объ обязанности, о правилахъ человѣка, говорилъ, что онъ даже не хочетъ знать кто пятнаетъ свое доброе имя—говорилъ долго, возбуждалъ въ дѣтяхъ слезы умиленія. И послѣ, когда я отвозилъ своихъ дѣтей въ корпусъ—продолжаетъ раскащикъ, дитя Екатерининскаго вѣка—ужаснулся перемѣнѣ, какую я нашелъ. Куда дѣвалась вѣжливость, благородное обращеніе! Бывало Государыня пріѣдетъ въ корпусъ, маленькіе кадеты бросались къ ней какъ къ матери, лѣзли къ ней на колѣна, когда она садилась въ кресла и она ни подъ какимъ видомъ не позволяла ихъ отгонять отъ себя«.

Еще ближе стояла она къ дѣвочкамъ—Смольнянкамъ: она знала личныя свойства каждой, руководила чтеніемъ способныхъ, входила въ ихъ дѣтскіе интересы и находила время отвѣчать на ихъ записочки, писала для нихъ пьесы—и въ добавокъ дѣлилась этими своими педагогическими интересами съ Вольтеромъ.

Прежде, чѣмъ приду къ заключенію бесѣды, которая увлекаетъ своимъ предметомъ—остановлю вниманіе ваше на пребываніи Императрицы въ Кіевѣ во время путешествія ея въ Крымъ. Она прибыла сюда 29 января 1787. Она хотѣла отдохнуть въ Кіевѣ и выждать очищенія рѣкъ отъ льда и потомъ ѣхать по Днѣпру водою. Сегюръ разсказываетъ, что когда онъ и посланники австрійскій и англійскій осмотрѣли городъ, Императрица спросила ихъ каковымъ они его нашли. Кобенцель съ жаромъ отвѣчалъ, что невидывалъ города прекраснѣе, великолѣпнѣе и который внушалъ-бы столько благоговѣнія: Фицъ-Гербертъ—

что Кіевъ по правдѣ жалкій: одни развалины да хижины, а Сегюръ, что Кіевъ представляетъ вмѣстѣ и памятникъ и надежду, что онъ будетъ великимъ городомъ Императрица замѣтила, что эти отвѣты даютъ понятіе о духѣ трехъ государствъ, которымъ принадлежали лица, давшія ихъ. Тутъ она поясняла Сегю; у почему даетъ праздники и балы, а именно: чтобы открыть доступъ къ себѣ. Она разспрашивала лично духовныхъ, помѣщиковъ, чиновниковъ, торговцевъ о ихъ нуждахъ, положеніи, желаніяхъ, какъ свидѣтельствуетъ Сегюръ. Кіевъ, не смотря на 20-градусный морозъ, казался ей мягкимъ по климату, и завесновавъ въ немъ, она все болѣе и болѣе восхищалась климатомъ въ письмахъ къ Салтыкову и В. К. Павлу. »Я безпрестанно восхищаюсь сладостью воздуха, сплю по 9 часовъ. ѣмъ съ рѣдкимъ апетитомъ«.

Храповицкій записываетъ: »7 Февраля были у обѣдни въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ вечеру при разборѣ почты говорили о ханжествѣ игуменьи графини Апраксиной. Она была при Дворѣ Фрейлиной: графиня Анна Павловна Ягужинская.—13 пріобщались, начавъ говѣть съ 8 числа; 15 были въ обѣихъ пещерахъ; 18 читано начало манифеста о дуеляхъ« и т. д. идетъ перечень ея дѣлъ и заботъ по управленію.—»7 Марта сдѣлана въ манифестѣ прибавка. До обѣдни допущенъ на аудіенцію племянникъ короля польскій князь Станиславъ Понятовскій«. 8 въ день именинъ Іосифа балъ и ужинъ у графа Кобенцеля.

»11 апрѣля обѣдъ отъ купечества въ магистратскомъ домѣ. Епископу Нарушевичу подарили сочиненія Ломоносова, обольщеннаго Шамана, Рюрика, Олега да лексиконъ 200 язычный; »Онъ сочинитель хорошей исторіи польской и переводчикъ Тацита и Гарація«. При чтеніи рапорта объ убійствахъ въ Малоросіи: »ce'a est affreux; многое относится къ несмотрѣнію«.

»22 выѣхали изъ Кіева на галерахъ; 25 пріятное свиданіе съ польскимъ королемъ на галерѣ предъ Каневымъ«.

Екатерина пишетъ изъ Кіева: »съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь все ищу гдѣ городъ, но до сихъ поръ ничего не обрѣтаю кромѣ двухъ крѣпостей«.... И въ другомъ письмѣ: »я здѣсь въ Кіевѣ уже девятый день; вижу двѣ крѣпости и предмѣстья, но города не нахожу и сіи разбросанныя жилища называются Кіевомъ, изъ чего заключаю, что прежде сего сей городъ былъ безмѣрно великъ и люденъ. У насъ здѣсь четыре гранъ д'Еспань, князья имперскіе безъ счету; поляковъ тьма,

англичане, американцы, французы, нѣмцы, швейцарцы. Съ роду столько иноязычныхъ я не видала и все сіе по Кіевскимъ хижинамъ живетъ и не понимаю какъ умѣщаются».

Изъ записокъ Мамонова узнаемъ, что въ Кіевѣ нашла она, что улицы грязны и дурно мощены, а постройки вообще въ плохомъ состояніи и лишены всякаго изящества. Она распорядилась о привозѣ бульжника по Днѣпру и вымощенъ былъ ея дворъ въ Старомъ Кіевѣ. Послѣ она вспоминала о Кіевѣ. Разъ въ октябрѣ настала зима въ Петербургѣ: она вспомнила о Кіевѣ и Кременчугѣ: ma seconde pensée y est toujours—передаетъ Храмовицкій. Изъ писемъ ея къ сыну—видно, что концу пребыванія ее полюбили въ Кіевѣ, присмотрѣлись къ ней. Она говоритъ, что чувствуетъ себя какъ въ Петербургѣ и велитъ при вскрытіи Днѣпра по петербургскому обычаю стрѣлять изъ пушекъ.

Она должно быть имѣла замыслы о перенесеніи столицы на югъ. »1788, 4 января. За туалетомъ хвалили климатъ полуденнаго края: здѣсь вѣкъ живемъ въ ожиданіи хорошей погоды; хорошъ будетъ по мѣстоположенію Екатеринославъ«. Не съ этою цѣлью ли заложенъ тамъ громадный соборъ?

Эпизодъ нашъ, имѣющій конечно чисто мѣстный интересъ, отвлекъ насъ отъ дальнѣйшаго обзора просвѣтительной дѣятельности Екатерины Онъ былъ здѣсь кстати потому, что Кіевъ, въ лицѣ вашемъ мм. гг., почтилъ своимъ присутствіемъ ея свѣтлую память. Будемъ же надѣяться, что благія потребности общества найдутъ себя осуществленіе въ ту эпоху, когда правительство реформами своими осуществило многіе замыслы Государыни-философа и тѣмъ славнѣе будетъ живой памятникъ письменныхъ матеріаловъ ея времени, напоминающій гордому вѣку нашему о томъ, что осуществлялось или предназначалось къ осуществленію въ прошломъ вѣкѣ.—Осьмнадцатый вѣкъ, вѣкъ теоріи по преимуществу, вѣкъ, задавшій задачи свободы и дѣятельности будущимъ временамъ въ Западной Европѣ, имѣетъ тамъ много славныхъ представителей, чьи имена переносятъ насъ въ умственную жизнь былаго; у насъ же онъ зовется, подъ впечатлѣніемъ счастливыхъ послѣднихъ десятилѣтій, *золотымъ вѣкомъ* Екатерины.

Передъ нами портретъ ея—одно изъ замѣчательныхъ произведеній вѣка, кисти Лампи *). Въ духѣ класицизма вы видите храмъ правосудія.

---

*) Обязательно присланный на этотъ вечеръ въ Университетъ **П. П. Демидовымъ.**

Побѣдоносный орелъ покоится на законахъ. Она граціозно несетъ въ рукѣ жезлъ и весело смотритъ—какъ будто ее привѣтствуютъ радостныя толпы.

Тонъ всей фигуры роскошенъ. Обратите вниманіе на пушистость живописи, на прозрачность колорита. Вы такъ и видите величавую эпоху побѣдъ, роскоши, приволья, свѣтлой мысли и гуманности—эпоху, которую такъ всецѣло олицетворила собою Екатерина. Вамъ приходятъ на память слова Державина:

Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ.
Котораго законъ, десница даютъ и милости и судъ....

или слова позднѣйшаго поэта, въ эпоху забвенія напоминавшаго новымъ поколѣніямъ о Ней:

Всѣ минувшія преданья
Вся поэзія тѣхъ дней,
Какъ восточныя сказанья
Блещутъ въ памяти людей.

Твердый бытъ, ума свобода,
Жизнь безъ завтрашнихъ заботъ—
Вотъ что въ памяти народа
Незабытое живетъ.

Вотъ чѣмъ вѣкъ минувшій славенъ,
Чѣмъ Русь старая горда,
Отчего могъ льстить Державинъ
Безъ укора и стыда.

Отъ того еще и нынѣ,
Какъ полвѣка протекло,
Мыслью въ дань Екатеринѣ
Свѣтитъ старости чело.

И на вѣки сохраняя
Память силы и добра,
Помни Русь: *она вторая*
Послѣ перваго Петра.

2007044104